

## ЕЩЕ О НЕКОТОРЫХ РУССКИХ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

А. КОНЕВЕЦКИЙ

### Наречия на *\*-de* (*\*-dē*)

Одними из древнейших местоименных наречий пространственного значения, наряду с наречиями типа *куду*, *кудѣ*, *куды*, *куда*<sup>1</sup>, являются древнерусские наречия *къде*, *иде(же)*, *сьде*, *онѣде*, *овѣде*, *инѣде*, *вьсьде*. Об их древности свидетельствует распространенность наречий данного типа во всех славянских языках. В каждом из них сохранились лишь отдельные формы, что целиком зависело от развития в том или ином славянском языке систем местоименных указательных основ, а также различных групп местоименных наречий с пространственными значениями. В украинском языке сохранились в употреблении наречия *де* „где“, *онде* „там“, *інде* „в другом месте“; в белорусском — *дзе* „где“; в болгарском — *де*, *где* „где“, устар. *онде*, *ондей* „там“, *овде* „здесь, сюда“; в сербско-хорватском — *где* „где, куда“, *овде* „здесь“, устар. *онде* „там“; в словенском — *kje* „где“, *ondi* „там“, устар. *inde*, *indi* „в другом месте“; в чешском — *kde* „где“, *zde* „здесь“, устар. *onde* „там“, *jinde* „в другом месте“, *vezde* — „везде“; в словацком — *kde* „где“, *inde* „в другом месте“; в польском — *gdzie* „где, куда“, *owdzie* „там“, *indzie* „в другом месте“, устар. *ondzie* „там“.

Рассматриваемые наречия, имевшие в основном локативное значение, возникли на общеславянской почве путем сложения местоименных основ. Первыми компонентами выступали местоимения *\*къ*, *\*јь*, *\*сь*, *\*онѣ*, *\*овѣ*, *\*инѣ*, *\*вьсь* в именит. пад. ед. числа. Если в наречиях типа *куду*, *кудѣ* и т.д. форма винит. пад. первого компонента прежде всего означала, что движение направлено, а само направление конкретизировалось формой второго компонента, то в наречиях *къде*, *сьде* и т.п. указанию на местонахождение в первом компоненте более соответствовала форма именит. пад., которая просто называла определенную точку в пространстве. Второй компонент *-де* подчеркивал, что речь идет именно о местонахождении в этой точке. Ввиду затем-

<sup>1</sup> См. нашу статью „О некоторых русских местоименных наречиях пространственного значения“ (Калботуга, XXIII-2), продолжением которой является статья в этом номере.

ненности формы *-де* приходилось представлять ее то как формант<sup>2</sup>, то как суффикс<sup>3</sup>, то как пространственную частицу<sup>4</sup>. О происхождении второго компонента высказывались разные мнения. И. Ягич предполагал, что в *-де* следует видеть древний глагольный корень *\*dhā*, выступающий в глаголах *дѣти*, *дѣяти*, *дѣлати*<sup>5</sup>. К. Бругманн возводил *-де* к древнему форманту *\*dhe*<sup>6</sup>. П. С. Кузнецов считал, что этимологически пространственная частица *-де* соответствует греческому *-θεν*<sup>7</sup>. Высказывания К. Бругманна и П. С. Кузнецова не противоречат наиболее достоверному, на наш взгляд, утверждению Г. А. Ильинского о том, что в данном случае перед нами местный падеж древнего местоимения *\*dъ*<sup>8</sup>. С этой точки зрения лучше всего объясняется и древний параллелизм форм *къде* — *къдѣ*, *сьде* — *сьдѣ* и т.п. И. Ягич видел в этом обычное чередование *ǣ||ē* в глагольном корне<sup>9</sup>, а П. С. Кузнецов, вслед за А. Г. Преображенским, наоборот, считал, что здесь нефонетическая замена конечного *-е* в частице *-де* на *-ѣ* по аналогии с формами местн. падежа ед. числа существительных основ на *\*ǫ* и на *\*ǣ*<sup>10</sup>. Однако нефонетическое замещение не объясняет фонетического развития этих форм в севернорусских говорах (*къде* > *гди*). Г. А. Ильинский, исходя из сравнительно-исторического материала, во-первых, показывает, что еще в общеиндоевропейском языке в местном падеже могло быть два окончания: *-е* и *-ǣ*<sup>11</sup>, во-вторых, приводит многочисленные факты употребления форм *де* и *дѣ* в разных славянских языках как в качестве самостоятельных слов, так и в соединении с другими местоименными основами, и везде с местным значением<sup>12</sup>.

<sup>2</sup> К. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, В. 2. Berlin—Leipzig, 1933, стр. 454.

<sup>3</sup> A. Doritsch. Gebrauch der altbulgarischen Adverbia. Leipzig, 1910, стр. 85—88; V. Jagić. Das Leben der Wurzel *dē* in den slavischen Sprachen. Agram, 1871, стр. 56.

<sup>4</sup> П. С. Кузнецов. Очерки историч. морфологии русского языка. М., 1959, стр. 43; Й. Домбровский. Историч. грамат. рус. языка, ч. 2. Будапешт, 1969, стр. 68.

<sup>5</sup> V. Jagić. Das Leben der Wurzel *dē*..., стр. 3.

<sup>6</sup> К. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik..., стр. 454.

<sup>7</sup> П. С. Кузнецов. Очерки по морфол. праславянского языка. М., 1961, стр. 47.

<sup>8</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах и новообразованиях праславянского языка. Прага, 1902, стр. 75, 81; его же, Праславянская грамматика, Нежин, 1916, стр. 447.

<sup>9</sup> V. Jagić. Das Leben der Wurzel *dē*..., стр. 3.

<sup>10</sup> А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, стр. 122; П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии..., стр. 43.

<sup>11</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах..., стр. 75; его же, Праславянская грамматика, стр. 447.

<sup>12</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых архаизмах..., стр. 82.

Г. А. Ильинский предполагает, что в праславянском языке было и наречие от местоименной основы *\*tъ* — *\*tъde* (*\*tъdĕ*)<sup>13</sup>. С этим предположением можно согласиться, поскольку в других типах местоименных наречий есть соответственные образования от основы *\*tъ*. Отсутствие наречия *\*tъde* (*\*tъdĕ*) в большинстве современных славянских языков (болг. *тѣдѣа* „где-то здесь“, предположительно, восходит к *\*tъdĕ*) может объясняться ранним вытеснением его сходным по значению наречием *\*onъde*. Кроме того, Ильинский считал, что в праславянском языке первый компонент в именит. пад. ед. числа мог также сочетаться со вторым компонентом в творит. пад. множ. числа (*\*-dy*) и в отложительном пад. ед. числа (*\*-da*) — *\*kъdy*, *\*tъdy*, *\*kъda*, *\*tъda* и т.п. (сравните польское *gdy* „когда, если“)<sup>14</sup>. Но в письменных памятниках русского языка такие формы не зафиксированы.

Для отмеченных нами наречий *къде*, *иде(же)*, *сьде*, *онъде*, *овъде*, *инъде*, *вьсьде* и даже *единъде* характерно то, что они выступают в основном с локативным значением и лишь некоторые из них (*къде*, *иде(же)*, *сьде*, *инъде*) употреблены в лятивном значении. Сохранение этими наречиями способности выражать и лятивное значение связано, по-видимому, с их древнейшими свойствами, поскольку в древности местный падеж, в форме которого стоит второй компонент, мог обозначать не только место, но и направление<sup>15</sup>. Проявление того или иного значения наречия зависело от глагола, что было свойственно русским наречиям еще долго и в письменный период.

Наречие *къде* (*къдѣ*) после падения редуцированных гласных вследствие ассимиляции по звонкости стало произноситься *где* (*гдѣ*); со временем это закрепилось и на письме.

С локативным значением „в каком месте?“ наречие *къде* (*где*) употребляется на протяжении всего письменного периода: *Кости моя сокрушаюште поносять глаголюште: къде есть богъ твои...* ЧудПс, 21, XI в.; *Паки вѣпроси игумень: то кде еси былъ досель...* ФинОтр, 30, XIII в.; *И рѣша дрѣвлянѣ къ Олзѣ: гдѣ суть дружина наша...* Новг. I лет., 112, XV в.; *Где ж повседневных торжеств, радостей громады?* Тредьяк., 56, 1725 г.; *Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?* Пушкин, Медный всадник.

В результате длительного развития еще в дописьменный период наречие *къде* стало употребляться и с новой для него функцией союза. Заложен-

<sup>13</sup> Г. А. Ильинский. Сложные местоимения и окончания родительного падежа ед. числа муж., средн. родов нечленных местоимений в славянских языках. М., 1905, стр. 78.

<sup>14</sup> Г. А. Ильинский. Сложные местоимения..., стр. 75–76; его же, Праславянская грамматика, стр. 447.

<sup>15</sup> А. В. Попов. Синтаксические исследования, Воронеж, 1881, стр. 16–17.

ная в самой семантике наречия *къде* возможность выражать пространственные отношения позволяла ему в условиях соединения предложений ослаблять свою знаменательность и выступать как союзное слово. Процесс этот связан с общей закономерностью переходности частей речи в русском языке. Функция союза свойственна *къде* во весь письменный период: *И къде же есмь азъ, ту и слуга мои да будуть.* АрхЕв, 87, XI в.; *Аже кто познаеть свое... то не рѣци: се мое, нѣ поиди на сводѣ, кдѣ еси възлѣ.* РусПр, 125, 1282 г.; *а бобровники мои где станут, и они кормѣ возьмутѣ.* Док. 1479 г. (АФЗХ, II, 11); *Увы нам, куды нам, где ни поживем, везде загресим...* Служба кабаку, XVIII в. (РДС, 50); *где точно умер он, вам не могу сказать...* Капнист, 346, 1787 г.; *Вот опальный домик, где жил я с бедной нянею моею.* Пушкин, Вновь я посетил...

Гораздо реже, но встречается в древнерусском языке употребление *къде* (где) с лативным значением „в какое место?": *Сусѣди, иже видѣвше ю тако бѣланосящю, къде отъидоша, рекоша си...* СинП, 156 об., 12 в.; *друзе любимый, где идиши...* ЧудНик, 21, 14 в.; *и поча думати, рекъ: где поѣдемъ, Смольнеску ли, къ Киеву ли...* ИпатЛет, 616, 1425 г.; *И Максимьянъ, сказывають, отвѣчалъ: гдѣ хочешь, тутъ пришли мою дочь.* Док. 1492 г. (ДипДИ, 104); *И вы бѣ того обыскали Шилпуя съ товарищи бусника: гдѣ они подѣвали великого князя гостей...* Док. 16 в. (АРев, 34); *Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестья?* Пов. о Карле Сутулове, 17 в. (РусПов, 151).

Наряду с этим *къде* с лативным значением могло выступать и как союзное слово: *Мария же Магдалины и Мария Иосипова зряста, къде го полагаху.* АрхЕв, 112 об., 11 в.; *И новгородѣци не вѣдяху, кдѣ князь идеть.* Новг. I лет., 81, 13 в.; *А где будетъ князь Михайло вослаѣ въ нашу очину... намѣстники и волостели, и тыхъ ны сослати доловь...* Док. 14 в. (ДДГ, 22); *един человек с щитом, где хочет, туды течет и на коне мчит.* Пересветов, 163, 16 в.; *и ты... провѣдаи и гдѣ та дѣвка з Гагриловского сошла... и гдѣ она живет.* Письмо 17 в. (ИстНРЯ, 86); *и старую царицу гдѣ дѣли, не знаемъ.* Док. 1721 г. (ДокАП, 138).

Неширокое употребление *где* с лативным значением в русском литературном языке к началу 18 в. еще больше сокращается и уже в первой половине 18 в. прекращается совсем. Поэтому все словари 18–20 вв., начиная от Лексикона Ф. Поликарпова 1704 г., приводят *где* только с локативным значением (ЛекП, 70 об.; А1, 2, 31; А2, 1, 1090; А3, 1, 536; СлУш, 1, 546; ССРЛЯ, 3, 54). В русских диалектах употребление *где* с лативным значением сохраняется наряду с локативным до настоящего времени (Моск. обл., Калуж., Саратов., Ростов., Краснодар. край).

В древнерусском языке было наречие данного типа, образованное от указательной местоименной основы *и(\*ъ)* — *иде*. Наречие это чаще всего выступало осложненной частицей *же* также местоименного происхождения — *идеже(идѣже)*, но значение его от этого не менялось. Наречие *иде* отмечено нами с двумя значениями — локативным и лятивным, но во всех случаях *иде* употребляется в роли союзного слова, как и все наречия, образованные от местоименной основы *и*. Например, с локативным значением „где, в каком месте“: *Вѣдѣаше, яко жьну, иде же не съяхъ, и събираю, юду же не расточихъ*. ОстрЕв, 150, 11 в.; *и ведоша и на мѣсто, иде же преже живяше*. ЖЕпиф, 16, 13 в.; *Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головѣ, иде бяху ляхове пожгли...* ВлМон, 159, 1377 г.; *и вынесоша икону на острогъ, идѣ же нынѣ монастырь есть*. ПсковЛет, 20, 15 в.; *Поиде же князь Ингвар Ингоревич на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанский...* Пов. о разорении Рязани Батыем, 16 в. (ВоинП, 17); *Сем я тебе возьму за руку и поведу на то место, иде же бысть се*. ЖАввак, 278, 1679 г.; *ведашь ли ты о сем, что идеже любовь, ту и бог*. Посошков, 53, 1724 г.

С лятивным значением „куда, в какое место“: *Иде же колиждо вънидете въ домъ, ту прѣбывайте, дондеже изидете оттуду*. ОстрЕв, 290, 11 в.; *Зѣлые бо бѣ съпрогнаны отъ мѣста, иде же бо преже приде спѣшьнѣ къ твоєи дѣщери*. ЖЕпиф, 22 об., 13 в.; *доидохома Суры великие, на устья Борыша речки, идѣ же и онъ въ томъ дни съ воиски великими приде*. СочКурб., 177, 16 в.; *а идеже скрыся, ни аз ни жена моя о сем не ведомы*. Пов. о Савве Грудц., 17 в. (РусПов, 93).

Употребление наречия *иде* с лятивным значением было незначительным по сравнению с локативным. Видимо, поэтому академические словари 19 в., сопровождая наречие *идеже* типичными для архаизмов пометами „слав.“, „церк.“ (А2, 2, 958; А3, 2, 210), дают его только с локативным значением.

О том, что наречие *иде* в древности было свойственно живому языку, свидетельствует широкое употребление его в древнерусском народно-литературном языке. Кроме того, хотя наречие *иде*, разделяя судьбу всех наречий, образованных от местоименной основы *и*, перестает употребляться в русском литературном языке к середине 18 в., однако оно сохраняется в ряде русских говоров (Краснодар., Ростов., Курск., Брянск., Орлов., Воронеж., Тул., Калуж., Моск., Владимир., Рязан., Тамбов., Саратов. обл.).

С местоименной основой *съ* наречие данного типа выступает в нескольких вариантах. Самая ранняя форма — *сьде(сьдѣ)*, но после падения ре-

дуцированных гласных она приобрела вид *зде* (*здѣ*); в памятниках долго сохраняются оба письменных варианта.

Употреблялось наречие *сьде* с двумя местными значениями – локативным и лятивным. С локативным значением „здесь, в этом месте“: *Есть отроцищъ съде единъ, иже имать 5 хлѣбѣ ячнѣхъ*. АрхЕв, 5, 11 в.; *что ищете живаго съ мъртвыми, нѣсть сдѣ, нѣ въскресе*. КирТур, 36, 12 в.; *Здѣ ваша братия и дѣти ваши тѣргуютъ*. Док. нач. 14 в. (ГрНП, 318); *А приказываю... попецися а томѣ, чтобы душу не уморили тамо, а зде безчестья не учинили по смерти*. Док. 1568 г. (АФЗХ, 2, 349); *Зде умру, а к тебе, госпожа моя лисица, не иду*. Сказ. о куре и лисице, 17 в. (РДС, 73); *Шведы здѣ жестоко поборы збирают*. Ведом., 78, 1703 г.

С лятивным значением „сюда, в это место“: *Не приближи ся съде, Моиси слышавъ, свято бо есть мѣсто*. НовГМин, 39, 11 в.; *начать госпожю свою зѣвати, глаголя, приди съде*. СинП, 49, 12 в.; *да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости въ селѣхъ въ странѣ нашей*. ПВЛ, 25, 1377 г.; *И зде как приѣхалъ есмь у Полотескъ и купци князя... били намѣ челомѣ*. Док. 1479 г. (РЛА, 235); *Придох бо зде на некое время и принесох с собою грехов своих бремя*. Сказ. о куре и лисице, 17 в. (РДС, 81); *а письмо то, вложенное здѣ для нужного зѣло случаю, изволь беречь*. Док. 1710 г. (ДокАП, 37).

С 12 в., первоначально довольно редко, встречается форма *сьдесе* (*здѣсе*). П. С. Кузнецов и Й. Домбровский считают, что в данном случае к наречию *сьде* добавилась указательная частица *се* „вот“<sup>16</sup>. На наш взгляд, возникновение *сьдесе* следует, по-видимому, объяснять тем, что после падения редуцированных гласных в форме *сде* (*зде*) затемнилось указание на „это“ место, так как в данной форме уже не чувствуется местоименной основы *сь*, поэтому она вновь дублируется. Факт этот не единичен. Аналогичное дублирование мы находим и в диалектных формах *где-ко*, *где-ка*, в которых местоименная основа *къ* после ее затемнения (*къде* > *где*) повторяется. Характерно, что наряду с тем, как *-ко* в постоянно неударяемом положении в акающих говорах звучит как *-ка* (*о > а*), конечное неударяемое *-се* также изменяется в *-ся* (*е > а*), то есть форма *здесе* начинает произноситься *здеся*. Объяснение конечного *-ся* как формы аблятива от местоимения *се*, которое приводил Ильинский<sup>17</sup>, вряд ли здесь подходит,

<sup>16</sup> П. С. Кузнецов. Историч. грамат. русского языка. Изд. МГУ, 1953, стр. 287; Й. Домбровский. Историч. грамат. русского языка, стр. 68.

<sup>17</sup> Г. А. Ильинский. Сложные местоимения..., стр. 35.

поскольку форма *здесь* довольно поздняя, встречается только с конца 15 в. О фонетическом переходе *-се>-ся* говорит и Б. Гавранек<sup>18</sup>.

Два отмеченных нами примера свидетельствуют, что дублирование местоименной основы *сь* могло быть не только в конце наречной формы, как чаще всего встречается, но и в начале: *Ино того посмотри: хто се-здѣ не вѣрно служилъ, такъ ему приѣхавши, какъ добро говорити?* Док. 1501 г. (ДипПЛ, 327); *Я... за присягою ихъ милости, пановъ радѣ, сезде до панства его королевские милости приѣхалъ.* СочКурб, 555, 1583 г.

Употребление формы *сьдесе* (*здѣся*) отмечено как с локативным, так и с лятивным значением. С локативным значением „в этом месте“: *Отшьдѣше, что можемъ створити, вѣсе бо сьдесе останеть, злато и имѣние все.* Излат, 116 г, 12 в.; *Вы же, честнии старци и игумены, отпишите ми наборзѣ, что мудръствуете, понеже сдѣсе есмь не благословилъ.* КанПр, 186, 14 в.; *а намъ и здѣся потомуж годится смотрѣти чти нашего государя.* Док. 1493 г. (ДипПЛ, 105); *А убытка тебе здесь ни в чом нет.* ПослИГ, 206, 1577 г.; *и жилъ я по се время на Москвѣ у сродичей своихъ и здѣся на Москвѣ женился.* Док. 1667 г. (Мик, 75); *А я здѣсе не долго стану мешкат.* Письмо 17 в. (ИстНРЯ, 83); *Ого! сокол, ты уж и здесь!* Аблесимов, 391, 1782 г.

С лятивным значением „сюда, в это место“ наречие *здесь* (*здѣся*) встречается довольно редко: *Здѣсе приѣхалъ жиловинъ новокрещени, Даниломъ зовутъ.* КанПр, 773, 15 в.; *а послалъ бы еси человѣка такова, который бы умѣлъ тамошнее дѣло видѣти, а здѣсе приѣхавъ сказати.* Док. 1493 г. (ДипПЛ, 86); *о томъ насъ здесь къ вамъ князь местерь нашъ государь прислалъ.* ПскЛет, 155, 16 в.; *слухъ дошелъ здѣся въ государя нашего отчину.* Док. 1588 г. (ДипМП, 15).

Но и форма *здесь* (*здѣся*) не оставалась неизменной. Конечное неудаемое *е* (равно как и *а*) отпадает, и наречие приобретает вид *здесь* (*здѣсь*). Эта новая форма отмечается уже с конца 14 в. и встречена нами как с локативным, так и с лятивным значением. С локативным значением „в этом месте“: *А здесь, господине, на Москвѣ игумень Царко тотъ игумениль у свягаго Константина передъ мене.* Док. 1391 г. (АФЗХ, I, 179); *А отъ тебе имъ подобаетъ же казнь принять здѣсь противу своему злодѣйству.* КанПр, 770, 15 в.; *Что есмь был с собою собинки вывез, то все здесь потерял.* Пересветов, 198, 16 в.; *и то добрѣ добро, только про то я здѣсь ничего не объявляю.* УчРат, 24 об., 1647 г.; *Поверьте мне, в два дни он бу-*

<sup>18</sup> В. Havránek, Přísluvné vokály v slovanských jazycích. „Мѣла“ (сборник в честь проф. Й. Зубатого), Praha, 1926, стр. 373.

дет здесь со мной. Княжнин, 709, 1790 г.; Мужчины здесь, как и везде, были двух родов. Гоголь, Мертвые души.

С лятивным значением „сюда“ наречие *здесь* употреблялось гораздо реже, чем с локативным: *Да здѣсь ко мнѣ прислалъ Борисъ ис Кафы четырёхъ казаковъ з грамотами*. Док. 1519 г. (АГол, 2, 94); *и со мною былъ ротмистръ... во всей ратной збруѣ, да и здѣсь ко мнѣ часто приѣзжают, урядясь, какъ на битву*. ГрОтр, 31, 18 в.; *По дошедшему здесь известию, якобы разбитъ Пугачевъ...* ЗапРун, 243, 1774 г.

У форм *сьде* (*здѣ*), *сьдесе* (*здѣся*), *здесь* (*здѣсь*) разная судьба. Форма *сьде* (*здѣ*) довольно рано стала осознаваться как книжная. Более живыми выступали остальные варианты этого наречия, а также наречия *тудо* и *тутѣ*, имевшие одинаковые значения. Форма *зде* (*здѣ*) без каких-либо помет приводится только словарями 17 и первой половины 18 в. (ПБер, 76; ЛекП, 122; ЛекСл, 1, 9; Вейс, 17), а все академические словари 18–19 вв. уже сопровождают ее пометами „слав.“, „церк.“ (А1, 3, 47; А2, 2, 845; А3, 2, 163). Форма *здесь* (*здѣсь*), отмеченная нами с конца 14 в. и уже в 16 в. получившая значительное распространение, как норма живого языка, естественно, впервые появляется в словаре Вейсмана 1731 г. (Вейс, 17) и в дальнейшем приводится всеми словарями как литературная норма (Гельт, 245; А2, 2, 845; А3, 2, 167; СлУш, 1, 1088; ССРЛЯ, 4, 1168). Вследствие сравнительно неширокого употребления всех вариантов этого наречия с лятивным значением все, даже ранние, словари приводят их только с локативным значением. Форму *здесе* (*здѣся*), широко распространенную в живом языке с 15 в., но ко времени появления словарей уже не воспринимавшуюся литературной, словари 17–19 вв. вовсе не отмечают. Однако она, а также и другие варианты этого наречия, не проникавшие в язык письменности, продолжают широко употребляться во многих современных русских говорах: *зде* (Брянск. обл.), *здеся* (Моск., Тул., Костром., Горьк., Арханг., Новг., Псков., Ленингр., Перм., Томск. обл.), *здися* (Перм. обл.), *здека* (Арханг., Мурман., Псков., Калинин. обл.), *здекась* (Псков., Калинин. обл.), *здеська* (Псков. обл.), *здесьяка* (Перм., Киров. обл.), *здесятка* (Ярослав., Калинин., Псков. обл.) и др.

Наречие данной группы, образовавшееся от местоименной основы *онѣ*—*онѣде* (*онѣдѣ*) в письменный период в русском языке встречается редко. К этому времени оно уже не было принадлежностью живого языка, так как отмечено только в памятниках с сугубо книжным языком. Поскольку в системе указательных местоимений *онѣ* совпадает по значению с *тѣ* и перестает употребляться как указательное местоимение, ту же судьбу претерпевают и образованные с его участием наречные формы.



Наречие *онѣде* (*онѣдѣ*), как и другие наречия этого типа, в ранних письменных памятниках древнерусского языка в основном выступало с локативным значением „там“: *Яко же овьяця бес пастуха... съде и онѣде продами есмѣ...* ЧудПс, 26, 11 в.; *съде игры, а онѣде мольбы, съде свирѣли и трубы, а онѣде стенание и въздыхание.* ИЗлат, 10 б, 12 в.; *И тѣгда аще кто речеть вамъ: се сдѣ Христосъ, се онде не имѣте вѣры.* ГаличЕв, 1, 811, 12 в.; *и мѣсто пусто суще въ мири, колицѣмъ паче въ мирное мѣсто и вы събравъшася онѣде.* ЖСав, 24 об., 13 в.; *сде бо обрѣтаемъ локоть 60, онде же 40.* ХронАмарт, 139, 13 в.; *токмо то вѣмы, яко онѣдѣ богъ съ человекѣи пребываетъ...* ПВЛ, 75, 1377 г.

С лятивным значением „туда“ отмечен лишь один пример: *бѣжаша торци берендичи изъ рускѣи земли и тако мятущеся сде и ондѣ и тако погыбоша.* СуздЛет, 292, 14 в.

Об определенной пережиточности формы *онѣде* уже в древнерусском языке свидетельствует преимущественно связанное употребление ее в конструкции *сде... онде*. После 14 в. наречие *онѣде* не встречается. Давняя утрата этого наречия подтверждается и тем, что в русских диалектах оно совершенно не сохранилось. В „Материалах...“ И. И. Срезневского наречие *онѣде* (Срезн, 2, 673) также приводится только в примерах из памятников 11–14 вв. Словари отмечают это наречие (ПБер, 150; ЛекП, 204; ЛекСл, 1, 16 об.; Вейс, 137), но на его архаичность указывают пометы „слав.“ (А1, 4, 634; А2, 4, 313), „церк.“ (А3, 2, 272).

От утрачиваемого еще в древнерусский период местоимения *овѣ* некогда образовалось наречие *овѣде*. В наших материалах встречено только два примера по употреблению этого наречия с локативным значением „там“, да и то лишь в ранних памятниках церковно-религиозного содержания: *Ни рекуть се сде ли овѣде, се бо царствие божие вънутрьду въ васъ есть.* ГаличЕв, 2, 396, 12 в.; *Овдѣ боле, а ондѣ мне.* Апокалипсис, 14 в. (Срезн, 2, 595). Вследствие ранней утраты наречия *овѣде*, в словарях оно совсем не отражается. Нет никаких следов этого наречия и в современных русских диалектах.

Широкое и многозначное употребление имело наречие *инѣде* (*инѣдѣ*), образовавшееся от указательной местоименной основы *инѣ* „тот, другой, иной, некий“, в значении которой присутствовал оттенок неопределенности. Наречие *инѣде* (*инѣдѣ*) отмечено с четырьмя локативными („в другом месте, где-то, где-нибудь, кое-где“) и двумя лятивными („в другое место, куда-нибудь“) значениями. Наречие это играло заметную роль в становлении наречных форм, указывающих на неопределенность. Уйдя из литературного языка только в 19 в., наречие *инде* сохранилось в ряде говоров (Арханг., Мурман., Вологод., Перм., Киров., Оренбург., Челябин., Иркут. обл., Якутия).

Наречие *вьсьде* (*вьсьдѣ*), образовавшееся от определительного местоимения *вьсь*, возможно, позже других наречий этого типа и, вероятно, по аналогии с более ранними наречными образованиями от вопросительного и указательных местоимений, в соответствии со значением местоимения *вьсь* исходным должно было иметь дисперзивное значение. В связи с древней двухзначностью второго компонента *-де* (*-дѣ*) дисперзивность могла выступать как с оттенком локативности, так и с оттенком лятивности. Наречие *вьсьде* (*вьсьдѣ*) после падения редуцированных и после утвердившейся на письме ассимиляции по звонкости приобрело вид *везде* (*вездѣ*).

С дисперзивно-локативным значением „во всех местах, повсеместно“ *везде* (*вездѣ*) уже в 11 в. было довольно употребительным; и в дальнейшем его употребительность не сокращается, а с 16 в. даже значительно возрастает: *имущему бо вьсьде дано будеть и избудеть*. ОстрЕв, 85, 11 в.; и *пути заята и сълы изьмаша новгородьския вьсьде, вѣсти не дадуще Кыяву...* НовГлет, 32, 13 в.; *А быти ми, господине, и моижь дѣтемъ съ тобою и съ твоими дѣтми вездѣ заодинѣ*. Док. 1401 г. (ДДГ, 44); *Везде искали, а жены моей с места не тронули*. ЖАввак, 84, 1676 г.; *Везде соблазн и леть живет...* Державин, 21, 1782 г.; *Увы! куда ни брошу взор — везде бичи, везде железы...* Пушкин, Вольность.

При глаголах движения наречие *везде* (*вездѣ*) выступало с дисперзивно-лятивным значением „во все стороны“: *не вьсьде ли ся потѣкнемъ моляще*. Излат, 33 в, 12 в.; *аще же не исправлени пребудуть... отъ церкѣви вездѣ и всяскы иженутся*. РязК, 156, 1284 г.; *пропуцать ихъ вездѣ добровольно по нашей грамоте*. Док. 1552 г. (АрхСтр, 364); *по дороге ямцики... не послушали и вездѣ разбѣжались...* Док. 1662 г. (АкИв, 400); *Оставших... число... везде уныние несло*. Богданович, 52, 1778 г.

Употребление наречия *везде* с дисперзивно-лятивным значением было незначительным и из письменного языка исчезает к концу 18 в. По-видимому, поэтому все словари 17–19 вв. приводят *везде* только с дисперзивно-локативным значением „во всех местах, повсеместно“ (ПБер, 19; ЛекП, 41; ЛекСл, 1,4; Вейс, 17; Гельт, 45; А1, 1, 665; А2, 1, 421; А3, 1, 222). Такое же употребление свойственно и современному литературному языку (СлУш, 1, 241; ССРЛЯ, 2, 123). В современных русских говорах наречие *везде* широко употребляется однозначно с формой *всюду* и ее вариантами.

Общая часть рассматриваемого типа наречий *-де* (*-дѣ*) еще в дописьменные времена вследствие затемнения формы должна была восприниматься как словообразовательный элемент. Только этим можно объяснить возникновение такого наречия, как *единъде*, явно образованной по модели книжной формы, в которой четко прослеживается значение обоих компонентов

(*единъ-де* — „в одном месте“ и даже „вместе“). Например: *вкупъ въсѣмъ намъ епископомъ единъде съкупльшимъ въ Антиохии отъ различныхъ епархій къ вашему разуму възнесомъ...* ЕфрК, 251, 11 в.; *си слышаѡъ, цсарь повелѣ исѣщи я единъде и повелѣ ражещи пещь и вложити телеса ихъ въ огонь...* МучХр, 144, 12 в.; *дѣются предивныя чудеса... и не ту единъде, нѣ и по въсѣмъ сторонамъ...* БорГл, 25, 12 в.; *и бята оба единъде въ дому...* ЖЕпиф, 7, 13 в.; *и напасетя въкупъ влѣкъ съ лвомъ, единъде напасетя.* Апокалипсис, 14 в. (Срезн, 1, 817). Довольно редкое употребление наречия *единъде* было ограничено книжными текстами; после 14 в. оно вообще перестает встречаться. Может быть, поэтому ни один из словарей 17–19 вв. и не приводит его. Отсутствие наречия *единде* в русских диалектах, а также в других славянских языках тоже свидетельствует об искусственности этой формы.

Таким образом, из всех наречий на *-де* (*-дѣ*) в настоящее время в русском литературном языке употребляются только *где*, *здесь* и *везде*, причем лишь с локативными значениями.

### Наречия на *\*-то*

Объяснение наречий на *\*-то* до сих пор в основном сосредоточивалось на вопросе возникновения составляющих эти наречия компонентов и выяснении их первоначального значения. Наречия на *\*-то* очень древние, о чем говорит их распространение во всех славянских языках, сохранивших до настоящего времени в употреблении некоторые из этих наречных форм: в болгарском языке — *там* „там, туда“, диал. *кам*, *камо* „куда, где“, *сам* „сюда“; в сербско-хорватском — *камо* „куда, где“, *тамо* „там, туда“, *онамо* „там, туда“, *овамо* „сюда, здесь“; в словенском — *kam*, *kamor* „куда“, *sem* „сюда“, *takaj* „там“; в чешском — *kam* „куда“, *sem* „сюда“, *tam* „туда, там“, *jinam* „в другое место“; в словацком — *kam* „куда“, *sem* „сюда“, *tam* „там“, устар. *opat* „туда“; в польском — *tam* „там, туда“, диал. *sam* „здесь, сюда“; в верхн. и нижн. лужицком — *tam* „туда“, *sem* „сюда“; в русском, украинском и белорусском — *там*, *сям* (последнее только в выражениях *там-сям*, *там и сям* и т.п.).

В составе наречий данного типа почти все исследователи выделяли два компонента — *\*ka-то*, *\*ta-то*, *\*sē-то* и т.д.<sup>19</sup> Форму первого компонента

<sup>19</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах славянского местоимения. СПб, 1901, стр. 11–13; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 442; Н. С. Рыжков. Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках 11–14 вв. Кандид. диссерт., М., 1952, стр. 371–372; J. Jahň. K vývoji slovanských místních adverbíi na *-de*, *-mo*, *-ŕd-*. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, IV, 1961, стр. 12.

до сих пор объясняют по-разному. Древность происхождения наречий на *\*-mo* вынуждала искать сходные формы в других индоевропейских языках. Первым на неславянские параллели наречий на *\*-mo* указал И. Козловский, приведя древнегреческие наречия времени: ионические  $\eta\mu\omicron\varsigma$ ,  $\tau\eta\mu\omicron\varsigma$ ,  $\pi\eta\mu\omicron\varsigma$  и дорические  $\delta\mu\omicron\varsigma$ ,  $\pi\delta\mu\omicron\varsigma$ . И. Козловский даже определял форму первых компонентов *ка-*, *та-* и др. как творит. пад. ед. ч. жен. рода (по основам на *\*ā*) или именит. пад. множ. ч. средн. рода (по основам на *\*ō*) местоименных основ<sup>20</sup>.

Г. А. Ильинский, исходя из анализа формы компонентов *\*ка-*, *\*та-* и др., а также значений наречий на *\*-mo*, отрицал возможность в первом компоненте творит. падежа и более вероятным допускал здесь отложительный падеж<sup>21</sup>. Сомневался он и в тождестве первых компонентов приведенных древнегреческих и славянских наречий, считая более близкими по форме и значению славянским *камо*, *тамо* санскритские *ād*, *tād*, *yād* и латинские *quo*, *isto*<sup>22</sup>. Возражения Ильинского все же не помешали Я. Яну видеть в первых компонентах древний творительный падеж<sup>23</sup>. Особняком в группе наречий на *\*-mo* стоит наречие *сѣмо*, в котором первым компонентом, по утверждению Ильинского, является местный падеж ед. ч. от местоименной основы *\*сѣ*<sup>24</sup>.

О происхождении второго компонента имеется давнее и пока не отвергаемое объяснение. Формант *\*-mo* — это древний индоевропейский суффикс превосходной степени тех слов, „которые обозначают число, разряд, пространство и временное расположение“<sup>25</sup>. Г. А. Ильинский так прямо и указывает, что формы *камо*, *тамо* и др. — адвербиализовавшиеся формы превосходной степени от именных форм *ка*, *та* и т.п.<sup>26</sup> Может быть, затруднительность анализа компонентов заставила в свое время В. Вондрака, а позже и М. Караса считать наречия типа *камо*, *тамо*, *сѣмо* формами винит. пад. ед. ч. средн. рода, как и формы *како*, *тако* и т.п.<sup>27</sup> Но если становление и

<sup>20</sup> I. Kozlovskij. *Altslovenisches amo, tamo, kamo* — griechisches  $\eta\mu\omicron\varsigma$ ,  $\tau\eta\mu\omicron\varsigma$ ,  $\pi\eta\mu\omicron\varsigma$ . *Archiv für slovenische Philologie*, 10, 1888, стр. 657—658.

<sup>21</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах..., стр. 11; его же, О некоторых архаизмах..., стр. 73; его же, Сложные местоимения..., стр. 84.

<sup>22</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах..., стр. 11; его же, О некоторых архаизмах..., стр. 72.

<sup>23</sup> J. Jahn. *K vývoji slovanských místních adverbii...*, стр. 11—12.

<sup>24</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах..., стр. 12.

<sup>25</sup> K. Brugmann. *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, B. 2. Strassburg, 1897, стр. 156.

<sup>26</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах..., стр. 14.

<sup>27</sup> W. Vondrak. *Vergleichende slavische Grammatik*, B. 2. Göttingen, 1924—1928, стр. 395; M. Karaś. *Oprzysłówkowej formie inaczej „inaczej“*. *Poradnik Językowy*, Warszawa, 1957, z. 10, стр. 446.

употребление последних форм действительно позволяют относить их к винит. падежу, то для форм на -мо это было бы натяжкой.

В письменный период в славянских языках (в том числе и в старославянском) наречия на -мо употреблялись с лативным и локативным значениями. Это и давало основание языковедам-славистам считать одно из них первичным для этих наречий. Так, Ильинский, вслед за К. Бругманном, исходным называл локативное значение<sup>28</sup>, а В. Вондрак и А. Лескин — лативное<sup>29</sup>. Я. Ян в отличие от всех говорит, что первичным было просекутивное значение, из которого выявилось локативное, а уж из последнего в определенных условиях (при глаголах движения) — лативное<sup>30</sup>. О первичности просекутивного значения можно только предполагать, поскольку такое употребление не зафиксировано в письменный период. Но с большей вероятностью можно утверждать развитие лативного значения из локативного, но не наоборот, так как локативное значение выявляется из лативного труднее и реже.

В древнерусском языке в письменный период в употреблении были наречия *камо* (*камѣ*), *ямо*, *тамо* (*тамѣ*), *сѣмо* (*сѣмѣ*), *ономо*, *овамо*, *инамо*, *всьямо* и более поздние аналогические образования *обоямо*, *другоямо* и даже *четворямо*. Наречия, образовавшиеся от местоименных основ *къ*, *и*, *\*сѣ*, *тѣ*, *онѣ*, *овѣ*, *инѣ*, *всь*, выступали с лативным и локативным значениями. Первое значение, несмотря на его вторичность, в древнерусский период у этих наречий (кроме наречия *тамо*) преобладало.

Наречие *камо* к началу письменного периода сохранило лишь лативное значение „куда? в каком направлении?“: *камо иду отъ духа твоего, камо бѣжу...* Изб, 21, 1073 г.; *обрѣте ю ангелъ въ пустыни и рече ей: откуда идеши и камо шествуеши...* ХронАмарт, 88, 13 в.; *а от гнева его камо убежим?* Пересветов, 133, 16 в.; *Но камо идеши, княже бѣдныи?* ФПрокоп, 190, 1705 г.

Как и другие местоименные наречия пространственного значения, наречие *камо*, образовавшееся от основы *къ*, еще в дописьменные времена стало употребляться и с относительным значением, то есть выступать в роли союзного слова в подчинительных конструкциях: *скотъ по водяштиимъ грядеть, не пытая, камо водить ся...* ЧудПс, 140, 11 в.; *и тряпезу чюдъную одьраша, драгыи камень и велии жьньчюгъ, а саму невѣдомо, камо ю дѣша.* НовГлет, 49, 13 в.; *ничего вѣрного отъ него ему прибыло, где есть и камо ся дѣлѣ.*

<sup>28</sup> Г. А. Ильинский. О некоторых именных формах..., стр. 11; его же, О некоторых архаизмах..., стр. 72.

<sup>29</sup> В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 28; А. Лескин. Грамматика древнеболгарского языка. Казань, 1915, стр. 206.

<sup>30</sup> J. Jahn. K vývoji slovanských místních adverbíí..., стр. 11.

Док. 1488 г. (ДипДИ, 159); *А человек... отлагает покаяние на старость и потом исчезает и не вем, камо отходит.* ЖАввак, 86, 1676 г.; *таковых разве отсылать к приказным делам или камо ни есть, кроме священства и притча церковнаго.* Посошков, 21, 1724 г.

Форма *камо* как с вопросительным, так и с относительным значениями встречается с 11 по начало 18 в. почти исключительно в памятниках церковно-книжного и художественно-повествовательного жанров. Ограниченное проникновение наречия *камо* с относительным значением в язык деловых документов наблюдается в 15 в., но наречие это так и не утверждается в литературном языке, поскольку в нем именно с этого времени начинается рост употребления форм *куды* и *куда*.

С тем же значением „куда“, но только как союзное слово, употреблялось наречие, образованное от местоименной основы *и* (\**ъв*) – *ямо*. Наряду с этой формой встречается и ее старославянская параллель *амо*. С лятивным значением наречие *ямо* отмечено с 11 по начало 18 в.: *егда бѣ юнѣ... хождяше, ямо же хотяше, егда же състарѣшися... инѣ тя пояхеть и ведеть, ямо же не хочещи... ЕвЧт, 56, 11 в.; и се азъ съ тобою съхраняя тя на всякомъ пути, амо же колждо идеши.* ПарН, 33, 13 в.; *въслѣду ми и покажю ти мѣсто праведныхъ, ямо же носить.* ХПав, 47, 15 в.; *А о том, ямо же въскоре отидем, не хочещи ни в мысли помянути... ПослИГ, 183, 1573 г.; да вечно с ними совокупимся, да достигнем тамо, амо же они достигоша... ФПроккоп, 95, 1718 г.*

В незначительном количестве примеров встречено употребление *ямо* с локативным значением „где“: *поимѣ же отьць нашъ отъ насъ нѣкыя, възиде на гору, ямо же рече ему... СинП, 58 об., 12 в.; и ставѣ на Арѣскомъ полѣ, амо же повелѣ государь.* ЦарКн, 500, 16 в.; *Чингис же отпусти его: амо же хочет, и тамо да пребывает.* СибЛет, 18, 17 в.

Наречие *ямо* (*амо*) отмечено лишь в текстах с сугубо книжным языком, поэтому можно утверждать, что в письменный период это наречие уже не было свойственно живому русскому языку, а в языке письменности выступало как архаизм наряду с другими наречиями того же значения (*куда, где*).

В общеславянский период наряду с формами *камо, тамо* существовало и наречие *само*, предположительно, со значениями „здесь, сюда“. Но оно должно было утратиться, так как было омонимично широко употребляемому определительному местоимению. Следы древнего употребления наречия *само* еще сохранял старославянский язык (Срезн, 3, 245), а под его влиянием *само* со значением „сюда“ проникло и в некоторые древнерусские тексты: *Призови само дверьника.* СинП, 199, 12 в.; *Бываетъ же безъ страха и неудержаннѣ зрѣти очима само и онамо, ни бо достоить иноку очима зрѣти само и она-*

мо. Док. 1390 г. (АИ, 1, 475). Остатком древнего *само* можно считать встречающуюся в современных болгарских диалектах сокращенную форму *сам* „сюда“. Употребляющиеся в современном русском, украинском и белорусском языках форма *сям*, а также в современном польском наречии *сам*, вероятнее всего, несколько иного происхождения.

Для древнерусского языка была характерна форма *сѣмо*, которая употреблялась как с лятивным, так и с локативным значением. С лятивным значением „сюда“ *сѣмо* было особенно употребительно до 16 в. С 16 в. наблюдается постепенное сокращение употребления, а в начале 18 в. оно прекращается совсем: *принеси пѣрстѣ твои сѣмо и виждѣ руцѣ мои...* ОстрЕв, 11, 1056 г.; *и тако приходящи сѣмо видиши мя...* Ж Феод, 50, 12 в.; *И како пришлохъ къ мостови, рекль: Плось, поиди сѣмо, здѣ князь...* Док. 1301 г. (РЛА, 27); *глаголите, что ради придосте сѣмо.* Уст ЛС, 24, 16 в.; *не вѣм, но боюся зѣло прихода его сѣмо.* ФПрокоп, 175, 1705 г.

С локативным значением „здесь“ наречие *сѣмо* употреблялось нешироко: *и погорѣ конецъ Неревьскыи сѣмо до гребли, а сѣмо и за Борькову улицу.* НовгЛет, 93, 13 в.; *почто плюють на мать свою, да сѣмо ю лобызають, а сѣмо ю оскверняють,* НовгЛет, 154, 15 в.; *допрашивать... не торопясь, не так допрашивать, как семо написано, но смотря и по случаю...* Посошков, 61, 1724 г.

Сфера употребления наречия *сѣмо* была ограничена в основном произведениями церковно-религиозного и художественно-повествовательного жанров. Проникновение *сѣмо* в язык деловых документов крайне редко. Характерным для этого наречия является и то, что оно часто выступало и дольше сохранялось в связанном употреблении — в сочетаниях *сѣмо и сѣмо*, *сѣмо и тамо*, *сѣмо и онамо* и особенно часто *сѣмо и овамо* со значением „сюда и туда“: *И азъ възрѣхъ сѣмо и сѣмо и се не бяше дыхания челоуѣча...* ОткрАвр, 38, 14 в.; *и бысть ѣзда ихъ сѣмо и тамо б недѣль ровно...* ПскЛет, 179, 16 в.; *не поступаюште съ мѣста ни бесѣдуоште, ни очима сѣмо и онамо метуште, нѣ стоять съ страхомъ, аky вѣдружиени.* ИзбСв, 107, 1076 г.; *И позрѣ Моисеи сѣмо и онамо и не видѣ никогож.* ИсхМ, 237, 15 в.; *отъ того же невѣрну быти и душу съмясти, аky вѣлками погружающемъ и сѣмо и овамо обрацающемъ...* ЕфрК, 175, 11 в.; *Къ Литвѣ или къ Биржѣ литовские войска сѣмо и овамо идут...* Ведом, 78, 1703 г. Некоторые из этих сочетаний могли выступать и с локативным значением „здесь и там“: *въвержену же ему бывишу, ображаяся камень сѣмо и онамо бысть яко прахъ...* МучХр, 14 в, 12 в.; *Много время пострадал в ратных хождениях, укрываяся семо и овамо, да не умру в окаянной сей вере.* Пов. о взятии Царьграда турками, 16 в. (ПовРус,

78); *Падох и, валяяси съмо и овамо в крови моей, сугубим путем пустих душо.* ФПроккоп, 159, 1705 г.

В языке письменных памятников наречие *съмо* встречается только до начала 18 в. Его полностью вытесняют все более утверждающиеся в литературном языке живые русские формы *сюда* и *здесь*, которые уже с первой половины 18 в. становятся основными для обозначения этих пространственных значений.

Наречие *тамо* в русском языке употреблялось с двумя значениями — лятивным и локативным.

С лятивным значением „туда“: *речете горѣ сеи: прѣиди отъсуду тамо, и прѣидеть...* ОстрЕв, 73 об., 1056 г.; *Камо, княже, очима позираеши ты, тамо и мы главами своими вържемъ.* НовГЛет, 53, 13 в.; *А ци о какове дѣлѣ межи собе сопрутся, ѡхати имѣ на трети, кого собѣ изберуть, тамо ѡхавѣ перемолвятся.* Док. 1367 г. (ДДГ, 20); *и будетъ доводчику случитися тамо ѡхати, и ѡхавѣ на поруку даст...* ПКр, 21, 16 в.; *всяк, тамо посланный, диаволом одержим бяше.* ДелоФП, 53, 18 в.

С локативным значением „в том месте“: *сядѣте ту, дондеже шедѣ помолюся тамо.* АрхЕв, 95 об., 11 в.; *Изяславъ бяше посажен на Лукахъ княжити... и тамо преставися.* НовГЛет, 44, 13 в.; *из Ригы ехали на Гочкыи беръго тамо твердити мирѣ.* Док. 1229 г. (РЛА, 420); *А учинится пеня гостю новгородскому въ Литвѣ, тамо ему и кончити...* Док. 1440 г. (ГрНП, 116); *к ловитвам тамо рыб удачным идет надежда с рыбаком.* Княжнин, 638, 1779 г.; *Да благословитъ всевышний тамо всѣ ваши намѣрении.* ПисКЗ, 339, 1792 г.

Уже отмечалось, что параллельное употребление одного и того же местоименного наречия с локативным или лятивным значением в древнерусском языке обуславливалось значением глагола, при котором они выступали. Такая соотнесенность между значением наречия и значением глагола позволяла иногда употреблять одну и ту же наречную форму с разными значениями в пределах одной фразы. Например: *послахъ отрокѣ мои въ Печеру по дань, иже дають тамо живущици Новгороду, и пришедѣ тамо и оттуду иде съ ними въ Югру.* МЛС, 17, 15 в.; *и бяше тамо 12 источник и 70 стеблии финикъ, и пришедѣ же тамо весь соборѣ израилтянѣ.* СокрПал, 50, 16 в.

До 15 в. наречие *тамо* в обоих значениях было очень употребительным, но начиная с 16 в. наблюдается некоторое расширение употребления этого наречия с локативным и сокращение употребления с лятивным значением. *Тамо* со значением „туда“ совсем перестает употребляться в литературном языке в первой половине 18 в., а со значением „в том месте“ сохраняется в употреблении лишь до конца 18 в.



Начиная с 13 в. наряду с формой *тамъ* с теми же значениями встречается форма *тамѣ*. С лятивным значением „туда“ *тамѣ* употреблялось очень редко, отмечены лишь единичные случаи: *Которыи русинъ или латинескыи имѣтъ татя, надѣ тѣмь ему своя воля, камъ хочеть, тамѣ дѣжеть*. Док. 1229 г. (РЛА, 438): *и умаза и глиною изъ дна, а извону смолоу, и вложи тамѣ дѣтя...* ИсхМ, 235, 15 в.; *А то ся для того дѣлаеть, ижѣ намѣстниковѣ отъ себе тамѣ посылаешъ на Великие Луки...* Док. 1488 г. (ДипПЛ, 15); *и тѣхъ людеи съ тѣхъ жилищъ выслать вонъ и дать им воля, гдѣ захотять, тамѣ да идуть*. СпТяп, 613, 17 в.

С локативным значением „в том месте“: *Аже наидуть у немѣць нечистыи товаръ у руской земли, поити ему назадѣ съ товаромъ у Ригу, тамѣ его свои князь судить*. Док. 1330 г. (РЛА, 55); *А извинитьсѣ нѣмчинъ у Полотьсѣ... пустити его въ Ригу, ино его свои тамѣ судятѣ по своему праву*. Док. 1405 г. (РЛА, 120); *а будетѣ истецъ иного уезду или иные волости, ино тамѣ на него не бити челомъ...* СудФИ, 16, 1589 г.; *отпиши ко мне съ теми ездоками, какъ тамѣ дѣло сдѣлаетца*. Док. 1639 г. (АкИн, 325); *Все там смеетсѣ, все радости зрится...* Тредьяк, 104, 1730 г.; *И в знойный, летний день табун степной без стражи ходит там, один, по воле*. Лермонтов, Аул Бастунджи.

Употребление *тамѣ* с локативным значением, отмечаемое с первой половины 14 в., еще до середины 17 в. было незначительным; параллельно с тем же значением употреблялись и другие наречия (*тутъ, тутѣ, тамо, онамо* и др.). Но с середины 17 в. это употребление стремительно расширяется, так что к концу 18 в. наречие *тамѣ* становится для литературного языка основным, а потом и единственным для обозначения „в том месте“.

Форма *тамѣ*, несомненно, является сокращением из *тамо*. В древнерусском языке подобные сокращения встречаются и у форм *камо, сѣмо* — *камѣ, сѣмѣ*. Эти сокращенные формы возникли вследствие утраты безударного конечного *о*. По наблюдениям А. Брюкнера, Б. Гавранека и Я. Яна, сокращение форм у наречий на *-мо* было свойственно всем славянским языкам<sup>31</sup>. Формы на *-мо* уже общеславянский язык воспринял из общиндоевропейского в окаменелом состоянии<sup>32</sup>. Поэтому в дальнейшем конечное безударное *о*, уже не несшее никакой смысловой нагрузки, могло быть утрачено без ущерба для значения наречных форм (проявление так называемого принципа экономии). Происходило это, по-видимому, уже после появления славянского письма,

<sup>31</sup> А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1970, стр. 480; 3. Havránek. Přísluvné vokály v slovanských jazycích..., стр. 356, 358; J. Jahn. K vývoji slovanských místních adverbii..., стр. 12–13.

<sup>32</sup> Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 453.

так как в старославянских письменных памятниках сокращенные формы не отмечены, а в древнерусских встречаются только с 13 в.

Формы *камъ* (*камы*) и *сѣмъ* (*сѣмы*) зафиксированы в редких случаях: *Которыи русинъ или латинескыи имьтъ татя, надъ тѣмъ ему своя воля, камъ хочеть, тамъ дѣжеть*. Док. 1229 г. (РЛА, 438); *Позревь же семь и сѣмъ и види стягъ Василковъ стояще и добръ борющъ...* ИпатЛет, 768, 1425 г.; *того же вечера думахуть, камъ поидемъ, или ко Особолозѣ, или на Гѣрьборта, или возвратимся въ домаы свое*. ИпатЛет, 825; *А что перстень и колтки золотые, а то Офимьино, а вы, дѣти мои, въ то не вступаитеся, камъ хочеть, тамъ дѣжеть*. Док. 1435 г. (ГрНП, 171); *а всего езда его сѣмъ и тамъ полъ четверта месяца...* ПскЛет, 186, 16 в.

Формы *камъ* и *сѣмъ* в отличие от формы *тамъ* не получили широкого распространения, а после 16 в. вообще перестали употребляться в русском языке, поскольку они так же, как и их несокращенные формы после 15 в. стали уступать свои позиции другим наречиям с теми же значениями, хотя *камо* и *сѣмо* еще и до начала 18 в. встречаются в книжном языке.

Свойственная современному русскому языку форма *сям* самостоятельно не употребляется, а выступает лишь в сочетаниях *там и сям*, *то там*, *то сям* и т.п. В этих сочетаниях она и возникла из *сѣмъ* явно по аналогии с формой *тамъ*. На аналогичное происхождение формы *сям* уже указывали Г. А. Ильинский<sup>33</sup> и М. Фасмер<sup>34</sup>. Характерно, что таким же образом установилось польское *sam* в выражении *tam i sam*, только в польском языке аналогия пошла еще дальше: под влиянием на *сѣмо* наречия *tamo* появилась сначала форма *siamo*, а дальнейшее воздействие твердой основы *tamo* привело к установлению формы *samo* и позже — *sam*<sup>35</sup>. Наречие *sam* известно в польском языке с 16 в., причем уже с 16 в. оно чаще всего выступает в выражении *tam i sam*<sup>36</sup>.

В русском языке форма *сям* отмечена нами только с конца 18 в.: *Впрочем дорога не скучна: везде видишь плодоносную землю, луга, рощи; там и сям маленькие деревеньки или врозь рассеяны крестьянские домики*. Карамзин, 91, 1789 г.; *Посмотрите: по лесу то там, то сям мелькают ее подружки в вышине...* Крылов, Белка; *он... любовался картиной, которую представляла и эта полутемная комната, где там и сям, яркими точками дели... пышные розы — и эта заснувшая женщина...* Тургенев, Вешние

<sup>33</sup> Г. А. Ильинский. Сложные местоимения..., стр. 84.

<sup>34</sup> М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, B. 3. Heidelberg, 1958, стр. 64.

<sup>35</sup> A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, стр. 480; Z. Zierhofferowa. Polskie *sam*, *siam* oraz *sak*, *siak*. Język polski, XXXIX, Kraków, стр. 359.

<sup>36</sup> Z. Zierhofferowa. Указ. статья, стр. 345–346.

воды; *То там, то сям понадобились ему самые разнообразные... люди.* Л. Толстой, Анна Каренина.

Возможно, это и запоздалое отражение в русском литературном языке ранее возникшей в живом языке формы, если учесть, что украинский и белорусский языки также имеют *сям* в выражении *там-сям*. Но украинский и белорусский могли воспринять это выражение из польского языка. Вероятность этого допустима также и потому, что в русском языке еще в 16 в. употреблялось выражение *сѣмъ* и *тамъ* (см. пример из Псковской летописи на стр. 30) и ни разу до конца 18 в. не встречено *там* и *сям*. Однако уже со второй половины 19 в. *там* и *сям* перестает быть литературным выражением. Словари 20 в. приводят его как „разговорное“ (СлУш, 4, 649; ССРЛЯ, 15, 94).

Наречие на *-мо* от местоименной основы *онъ* – *онамо* – в древнерусских памятниках отмечено, но, по-видимому, уже тогда оно было архаизмом, так как встречается преимущественно в текстах сугубо книжных и лишь иногда проникает в язык летописей. [Употреблялось наречие *онамо* как с локативным, так и с лятивным значением.

С локативным значением „там, в другом месте“: *сѣде дряслуя, онамо свѣтълится, сѣде нудя себе, тамо почиваетъ... ПандАнт, 40, 11 в.; и безъ его воля ни епископа избирати ни поставляти, ни иного что болшего творити, яже онамо въ апостѣльствѣ правилѣ речена быша отъ насъ. НовК, 92 об., 1282 г.; мы сѣде стоимы, а онамо жены нашѣ възмутъ. СуздЛет, 312, 14 в.; и здѣ на землѣ обитающихъ пусты сотворитъ, онама ж во вѣки въ неугасаемомъ тартарѣ мучити будетъ. СпТяп, 603, 17 в.*

С лятивным значением „туда“ *онамо* самостоятельно употреблялось редко и отмечено нами только в двух примерах: *и кѣде другии оньсица тамо рѣша прѣиде онамо, камо иде же судии судиямъ. ИзЛат, 150 а, 12 в.; сице бо и заблудимъ онамо, амо же бѣ и овѣча оно заблудило. ИзЛат, 172 г.*

*Онамо* с лятивным значением чаще употреблялось в сочетаниях *сѣмо* и *онамо*, ни *сѣмо* ни *онамо*: *си противнымими духи попираеми подражаютъ прахъ сѣмо и онамо удобъ противнымими вѣтры носими. ЧудПс, 8, 11 в.; отъци же озирахуся сѣмо и онамо не вѣдуще како оста отъ нихъ. ЖСав, 68 а, 13 в.; и острашився не мога поити ни сѣмо ни онамо и иде шюрину своему въ руцѣ... СуздЛет, 298, 14 в.; Также воззрев семо и онамо и увидев предстоящее ти лютое запусение. ПослИГ, 171, 1573 г.*

Наречие, образовавшееся от местоименной основы *овѣ*, – *овамо* устарело в древнерусском языке еще раньше, чем *онамо*. Уже в самых ранних письменных памятниках *овамо* употреблялось только в сочетаниях *сѣмо* и *овамо*, *тамо* и *овамо*. В основном *овамо* сохраняло лятивное значение; с локативным значением „там“ оно употреблялось очень редко: *изнемагаху, яко куми-*

*ры мъртвы, сѣмо и овамо изнемагаху... ХронАмарт, 330, 13 в.; ни единого человека не возможе нигде обрести, и о том зело тружащеся, тамо и овамо по странам шцуще языка. СочКурб, 222, 16 в.*

С лятивным значением „туда“ наречие *овамо* употреблялось несколько чаще: *глава убо правѣ пребывати не можеть сѣмо и овамо прѣкланяюштися на рамѣ... ИзбСв, 108, 1076 г.; акы трѣсть вѣтрѣмь овѣгда сѣмо прѣкланяющи, овѣгда овамо... Излат, 142 а, 12 в.; и удари въ ребра святаго въ десную страну, обраща ножь сѣмо и овамо, отреза честное сердце его. МЛС, 165, 15 в.; посылаше по них тамо и овамо, аж до Корелы, еже есть Филя... СочКурб, 291, 16 в.: Сами же они князи бегающе по за столу сѣмо и овамо и хотеху во окошко выброситца... СибЛет, 90, 18 в.*

Судьбу наречий *онамо* и *овамо* предопределило то, что местоимение *онѣ* утратило свое указательное значение, а местоимение *ювѣ* вообще перестало употребляться. Но еще до этого, как уже отмечалось, значения этих местоимений совпали со значением указательного местоимения *тѣ*. Поэтому и наречия *онамо* и *овамо*, совпав по значению с наречием *тамо*, должны были покинуть язык как избыточные.

Наречие *инамо* так же, как и другие наречия на *-мо*, имело и локативное и лятивное значения, но, образуясь от местоименной основы *инѣ*, наряду со значениями „в другом месте“, „в другое место“ имело еще и некоторые оттенки неопределенности „куда-то“, „куда-либо“:

*палаты пречюдны... переходы имуще и врата подобны градскимъ улицамъ, овы тамо, ины же инамо... ПовЕфр, 20, 16 в.; а буде же кто наймет на день или на неделю или где и инамо поработать, то на таковых наемниках поручных записей брать никак... Посошков, 99, 1724 г.;*

*Такъ бо обыцаи имяше Святополкъ, коли идяше на воину или инамо, толи поклонивсяу гроба Феодосиева... идяше на путь свои. ПВЛ, 186, 1377 г.; а ты хочешь ити инамо, а свою землю оставивъ. ИпатЛет, 678, 1425 г.; По представлении же великого князя Владимира Всеволодовича Манамаха руское царствие начат разделятися на многие начала, и первоначальство же Киевское и с честию начинашеся преходити инамо. ИстЦВК, 14, 17 в.*

Наречие *инамо* в письменный период уже не было свойственно живому русскому языку, да и в книжном оно употреблялось редко, явно пережиточно; в русском языке в это время происходило становление других средств для выражения неопределенности.

Наречие *всьямо*, образованное от местоименной основы *вьсь*, имело дисперзивное значение. Как и у других наречий на *-мо*, пространственное значение наречия конкретизировал глагол, к которому оно относилось, поэтому

наречие *всямо* выступало как с дисперзивно-локативным значением „во всех местах“, так и с дисперзивно-лятивным „во все места“:

*Съ же възвеличвъся ими начынетъ книги на вся святыя пущати, всямо убивати нехотящихъ въровати къ нему.* СлИп, 90, 12 в.; *Распростърто же бѣ всямо поле весело купно.* Жит. Фесдога, 13 в. (Срезн, I, 475); *Аще второго не даси ни прѣзго вземли, еже всямо несловесно и помяно.* Хрон Амарт, 497, 15 в.;

*А кругъ акы нѣ како око посылае всямо луча.* Изб, 222, 1073 г.; *и чудесныя заря всямо простирацію и окралатѣвъ умомъ пожада видѣти святаго отца.* ЖСав, 8 об., 13 в.; *Всямо пзглядящую.* Жит. Власия, 15 в. (Срезн, I, 475).

Употребление наречия *всямо* было незначительным, да и не свойственным живому русскому языку, так как встречается оно редко и только в книжном языке. Можно даже предполагать, что это наречие возникло как книжное образование на *-ямо* — параллель к наречным образованиям других типов от местоимения *въсь*.

О том, что *-ямо* становилось своеобразным словообразовательным элементом, свидетельствуют и такие чисто книжные формы, как *обоямо* „с обеих сторон“, *другоямо* „в другом месте“, *четворямо* „с четырех сторон, граней“:

*се же столи създавъ... и многихъ и различныхъ окружныхъ градостоящихъ обоямо бити повелѣ стѣну градъскую...* ХронАмарт, 265, 13 в.; *Аще хоцши обоямо хвалень быти, и добро творящихъ чьсти и зло творящихъ запрѣцаи.* Пчела, 390, 14 в.; *а сихъ же оружье обоямо остро, рекше мечи.* НовгЛет, 106, 15 в.;

*въсьмъ добръ пловущимъ, овѣмъ въ Константинъградъ, овѣмъ въ Александрию, другимъ же другоямо.* СинП, 49 об., 12 в.;

*удобѣ убо на копье четворямо острое набостися...* ХронАмарт, 249, 13 в.

Затемнение компонентов, составляющих наречия на *-мо*, делало возможным выделение общей для всех этих наречий части *-амо* (*-ямо*), которая могла быть употреблена в качестве суффикса, вносящего в новое слово пространственное значение. Нсвообразования на *-ямо* не получили широкого распространения (*другоямо* и *четворямо* встречены вообще в единичных случаях), по-видимому, в связи с почти полной утратой русским языком исконных наречий на *-мо*.

Наречия на *-мо* уже в древнерусском языке выступали в основном как архаизмы. Только одно из них — *тамо* (*тамъ*) — во весь письменный период сохраняло свои позиции в живом языке, утратив к середине 19 в. в литературном языке употребление с лятивным значением. Закрепление основных лятивных пространственных значений за наречиями на *-да* (*куда*, *сюда*, *туда*), а лока-

тивных пространственных значений за наречиями на *-де* (*где, здесь*) обусловило вытеснение из употребления наречий на *-мо*, имеющих те же пространственные значения. Но поскольку в древнерусском языке не было наречия на *-де*, образованного от местоименной основы *тѣ* (\**rǫde*), то этот пробел в устанавливающейся системе местоименных наречий с пространственными значениями и восполнило наречие *там* с вакантным в данной системе значением локативности.

Словари русского языка 17–19 вв. подтверждают раннюю утрату русским языком наречий на *-мо*. Лексиконы Памвы Беринды 1627 г. и Ф. Поликапова 1704 г., отражающие устаревший книжный язык, естественно, дают еще формы *камо* (ПБер, 96; ЛекП, 142), *сѣмо* (ЛекП, 125), *онамо* (ЛекП, 204), *овамо* (ЛекП, 125), *инамо* (ПБер, 476), *обоямо* (ПБер, 288). В Лексиконе Э. Вейсманна 1731 г., приводящем нормы разговорной речи первой половины 18 в., дается в качестве общеупотребительной уже только форма *тамо* со значениями „там“ и „туда“ (Вейс, 124, 125) и устаревшие *сѣмо* и *онамо* (Вейс, 125), *сѣмо* и *овамо* (Вейс, 304). Интересен в этом отношении лексикон Ф. Гельтергофа 1778 г., фиксирующий литературные нормы того времени; в нем приводится единственное наречие данного типа *тамъ* и только с локативным значением (Гельт, 844). Академические словари 18–19 вв. все наречия на *-мо*, кроме *тамъ* (А1, 6, 24; А2, 6, 669; А3, 4, 566–567), сопровождают пометами „славянское“, „церковное“, подчеркивая их архаичность: *камо* (А1, 3, 421; А2, 3, 44; А3, 2, 327), *амо* (А1, 1, 30; А2, 1, 35; А3, 1, 16), *сѣмо* (А1, 5, 1058; А2, 6, 644; А3, 4, 550), *онамо* (А1, 4, 634; А2, 4, 313; А3, 3, 136), *овамо* (А1, 5, 1058; А2, 4, 171; А3, 3, 87), *инамо* (А1, 3, 307; А2, 2, 1146; А3, 2, 272), *обоямо* (А1, 4, 583; А2, 4, 102; А3, 2, 272). Наречия *всямо*, *другоямо*, *четворямо* словами русского языка 17–19 вв. не приводятся.

О давней утрате живым языком наречий на *-мо* ярко свидетельствуют и современные русские диалекты, совершенно не сохранившие других форм, кроме наречия *там*. Последнее приобрело в говорах разнообразное дополнительное осложнение иными местоименными основами и сохранило наряду с локативным и лятивное значение: *тамо* (Вологод., Перм., Киров., Горьк., Владимир., Ленингр. обл.), *тама* (Псков., Краснодар.), *тамока* (Вологод., Арханг., Новгород., Перм., Киров., Оренбург., Тобольск., Краснояр., Иркут., Новосибир.), *тамыка* (Калинин.), *тамыча* (Моск.), *тамочу*, *тамочку*, *тамочко* (Новгород.), *тамочка* (Псков., Ленингр., Краснодар.), *тамочки* (Краснодар.), *тамося* (Вологод.), *тамоти* (Орлов., Брян.), *тамотки* (Арханг., Ярослав.), *таматко* (Арханг., Псков., Новгород., Вологод., Калинин., Киров., Перм., Ярослав., Горьк.), *тамотка* (Моск., Калуж., Смоленск., Брян., Орлов.,

Якутия), *тамой* (Костром., Горьк.), *тамойко* (Владимир., Костром., Горьк.) и другие.

Сохранение другими славянскими языками в употреблении большого количества наречий на *-мо*, причем в основном с лятивным значением, находится в прямой зависимости от развития в этих языках как системы вопросительно-относительных и указательных местоимений, так и системы местоименных наречий с пространственными значениями.

В русском языке в результате исторического развития к настоящему времени сложилась такая система, в которой осталось лишь ограниченное количество местоименных наречий, выражающих основные пространственные значения.

Наглядное представление о том, как в письменный период хронологически происходил отбор наречных форм для выражения каждого основного пространственного значения в русском литературном языке, могут дать графики 1–8, указывающие на употребление форм, имеющих эти значения.

Судьба местоименных наречий во многом определялась судьбой самих местоимений, от которых эти наречия когда-то образовались. Местоименные наречия, указывающие на пространственные отношения, имели в древности целый ряд оттенков значений, что вытекало из широты шкалы значений самих местоименных основ, вошедших в состав наречий. Упрощение системы указательных местоимений, а также перестройка в системе вопросительно-относительных местоимений заметно сказались на системе пространственных наречий. Уже с начала письменного периода в древнерусском языке совпадают в значениях однотипные наречные образования от местоименных основ *онъ*, *овъ* и *тъ*; наречные формы от местоимения *и*, выступавшие с относительным значением, передают это значение наречиям, образованным от вопросительного местоимения *къ*. Следствием ухода из употребления местоимений *и*, *овъ*, *инъ*, а также утраты местоимением *онъ* свойственной ему прежде функции указательного местоимения является исчезновение из языка производных от них наречий. Таким образом, упрощение системы местоимений привело к сокращению количества образовавшихся от них наречий.

Сокращение системы местоименных наречий могло пойти еще дальше, если бы в русском языке не возникло резкое противопоставление локативности и лятивности. В древнерусском языке местоименные наречия, утратив к этому периоду, в связи с затемнением форм составляющих их компонентов, свои собственные оттенки пространственных значений, приобретали локативное или лятивное значение в зависимости от значения глагола, при котором они выступали. Но со временем одного значения глагола уже стало недостаточно для придания наречию значения локативности или лятивности. Возникла

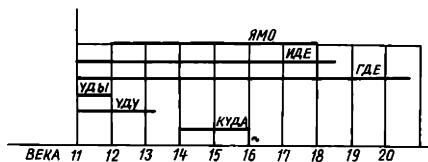


График 1. Значение «где, в каком месте».

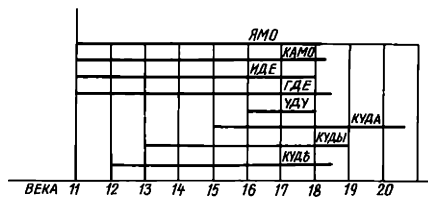


График 2. Значение «куда, в какое место».

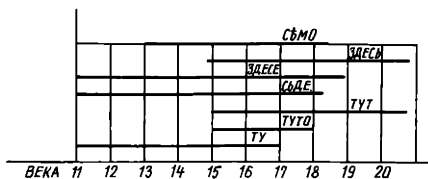


График 3. Значение «здесь, в этом месте».

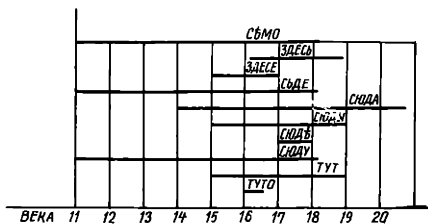


График 4. Значение «сюда, в это место».



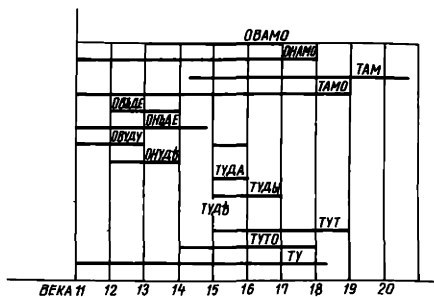


График 5. Значение «там, в том месте».

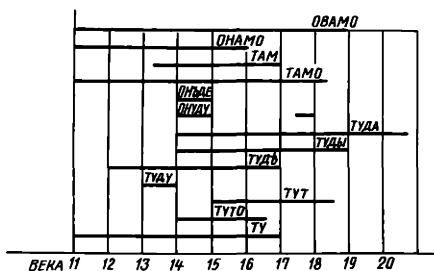


График 6. Значение «туда, в то место».

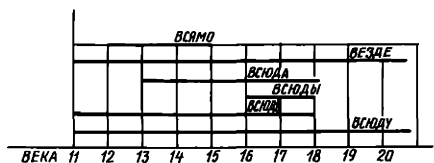


График 7. Значение «езде, во всех местах, повсеместно».

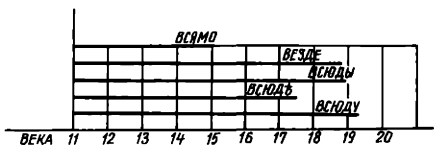


График 8. Значение «во все места, во всех направлениях».

необходимость в различном формальном выражении таких значений. В русском литературном языке противопоставление локативности и лятивности привело к противопоставлению по значению форм на *-де* (*где, здесь*) и форм на *-да* (*куда, сюда, туда*), и лишь отсутствие в формах на *-де* наречия от указательной местоименной основы *тѣ*, как уже отмечалось, позволило форме *там* проникнуть в сложившееся противопоставление.

Особое положение создалось у наречий, имеющих дисперзивное значение. Еще приблизительно до начала 19 в. формы *везде* и *всюду* могли выступать как с дисперзивно-локативным, так и с дисперзивно-лятивным значением. Когда же в русском литературном языке произошло окончательное закрепление за формами на *-де* только локативного значения (а произошло это к середине 19 в.), наречие *везде* сохранило за собой лишь дисперзивно-локативное значение. Наречие же *всюду*, будучи единственной формой на *-ду*, оказавшись в изоляции, не вошло в противопоставление с формами на *-да* или на *-де* и поэтому удержало только одинаковое с наречием *везде* дисперзивно-локативное значение. И так как к этому времени не сохранилось ни одного наречия на *-да* и даже другого какого-либо, которое могло бы взять на себя передачу дисперзивно-лятивного значения, это значение стало выражаться описательно (*во все места, во всех направлениях, по всем направлениям*).

#### Список условных сокращений

- |            |   |
|------------|---|
| А1         | — Словарь Академии Российской, ч. 1—6, СПб, 1789—1794.  |
| А2         | — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6, СПб, 1806—1822.                           |
| А3         | — Словарь церковно-славянского и русского языка, т. 1—4, 1867—1869.   |
| Аблесимов  | — А. Аблесимов. Мельник — колдун, обманщик и сват. А. В. Кокорев. Хрестоматия по русской литературе 18 в. М., 1965. |
| АГол       | — Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых (15—16 вв.), Чтения ОИДР, 1847, кн. 3 и 4.                         |
| АИ         | — Акты исторические. Собр. и изд. Археографическою Комиссиею, т. 1—5 (14—17 вв.), СПб, 1841—1842.                   |
| АКив       | — Акты Иверского Святозарского монастыря (1582—1706 гг.), Русская Историческая Библиотека (РИБ), т. 5, СПб, 1878.   |
| АКин       | — Акты о выездах в Россию иноземцев (1600—1640 гг.), РИБ, т. 8, СПб, 1884.  |
| АРев       | — Русские акты Ревельского городского архива (14—17 вв.), РИБ, т. 15, СПб, 1894.                                    |
| АрхЕв      | — Архангельское евангелие, рукопись 1092 г., ГПБЛ.  |
| АрхСтр     | — Архив Строева (акты 15—16 вв.), РИБ, т. 32, Петроград, 1915.  |
| АФЗХ       | — Акты феодального землевладения и хозяйства 14—16 вв., ч. 1, М., 1951; ч. 2, М., 1956.                             |
| Богданович | — И. Ф. Богданович. Стихотворения и поэмы. Л., 1957.  |

- БорГл — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. Сб. 12 в. Московского Успенского собора, Чтения ОИДР, 1899, кн. 2.
- Ведом Вейс — Ведомости времен Петра Великого, вып. I (1703—1707 гг.), М., 1903.
- ВлМон — Э. Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка, СПб, 1731.
- ВоинП — Поучение Владимира Мономаха (по Лаврентьевской летописи 1377 г.). Повесть временных лет, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
- ВоинП — Воинские повести древней Руси, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1949.
- ГаличЕв — Галичское евангелие 1114 г., изд. Амфилохий, т. 1—2, М., 1882—1883.
- Гельт — Ф. Гельтергоф. Российский лексикон по алфавиту с немецким и латинским переводом, ч. 1—2, М., 1778.
- ГрНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, изд. АН СССР, М.—Л., 1949.
- ГрОтр — Сказание и повесть еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его, Чтения ОИДР, кн. 9, 1847.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей 14—16 вв., изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- ДелоФП — Дело о Феофане Прокоповиче (18 в.), Чтения ОИДР, кн. 1, 1862.
- Державин — Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1958.
- ДипДИ — Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными, т. I (1488—1594 гг.), СПб, 1851.
- ДипМП — Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией, т. I (царствование Федора Иоанновича), СПб, 1880.
- ДипПЛ — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским, т. I (1487—1533 гг.), СПб, 1882.
- ДокаП — Документы по делу царевича Алексея Петровича, Чтения ОИДР, кн. 3, 1861.
- ЕвЧт — Отрывок из русского списка книги Евангельских чтений 11 в. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXV, СПб, 1866.
- ЕфрК — Ефремовская кормчая (11 в.), изд. В. А. Бенешевич, СПб, 1906.
- ЖАввак — Житие протопопа Аввакума, ГИХЛ, М., 1960.
- ЖЕлиф — Житие Елифания Кипрского, рукоп. ЛГПБ (Соф. 1326), 13 в.
- ЖСав — Житие Саввы Освященного, рукоп. ЛГПБ (ОЛДП Q CVI), 13 в.
- ЖФеод — Житие Феодосия Печерского (12 в.). Сб. 12 в. Московского Успенского собора, Чтения ОИДР, кн. 2, 1899.
- ЗапРун — Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугаческом бунте (1774 г.), Русская старина, т. 2, 1870.
- Изб — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, изд. ОИДР, М., 1884.
- ИзбСв — Изборник Святослава 1076 г., изд. В. Шимановский, Варшава, 1887.
- ИЗлат — Златоструй Иоанна Златоуста, рукоп. ЛГПБ (Q n I 74), 12 в.
- ИпатЛет — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 2, СПб, 1908.
- ИстНРЯ — С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка 17—начала 18 в. М., 1964.

- ИстЦВК — Федора Грибоедова история о царях и великих князьях земли русской (2-я половина 17 в.). Памятники ОЛДП, 121, СПб, 1896.
- ИсхМ — Исход Моисеев (по списку 15 в.). Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравов, т. I, СПб, 1863.
- КанПр — Памятники древнерусского канонического права (11–15 вв.), РИБ, т. 6, СПб, 1880.
- Капнист — В. В. Капнист. Собрание сочинений, т. I, М., 1960.
- Карамзин — Н. М. Карамзин, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1964.
- КирТур — Творения Кирилла епископа Туровского российского ветви 12 в., Памятники российской словесности 12 в., изд. К. Калайдович, М., 1821.
- Княжнин — Я. Б. Княжнин, Избранные произведения. Л., 1961.
- ЛекП — Ф. Поликарпов. Лексикон трехязычный сиречь речений славянских, еллино-греческих и латинских сокровище... М., 1704.
- ЛекСл — Лексикон сиречь словесник славенский, Супрасль, 1722.
- МИк — Материалы для истории русской иконописи (1551–1676 гг.), Собр. И. Забелин, Временник ОИДР, кн. 7, М., 1850.
- МЛС — Московский летописный свод конца 15 в., ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949
- МучХр — Мучение св. Христофора, Сб. 12 в. Московского Успенского собора Чтения ОИДР, кн. 2, 1899.
- НовгМин — Служебные мишен за сентябрь, октябрь и ноябрь (1095–1097), И. В. Ягич, СПб, 1886.
- НовгЛет — Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- НовК — Новгородская кормчая 1282 г., рукоп. ГИМ (Синод. 132).
- ОстрЕв — Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Фотолитография, СПб, 1883.
- ОткрАвр — Откровения Авраама (по списку 14 в.). Памятники отреченной литературы, изд. Н. Тихомиров, т. 2, М., 1863.
- ПандАнт — Пандект монаха Антиоха (по рукоп. 11 в.), М., 1913.
- ПарН — Паремейник (новгородский), рукоп. ЛГПБ (Соф. 53), 13 в.
- ПБер — Берында Памва. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627.
- ПВЛ — Повесть временных лет (по Лаврентьевскому сп. 1377 г.), под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950.
- Пересветов — Сочинения И. Пересветова (16 в.), М.—Л., 1956.
- ПисКЗ — Письма Екатеринославского губернатора В. В. Каховского... для доклада князю П. П. Зубову (1792–94 гг.), Записки Одесского общ. истории и древностей, т. 12, Одесса, 1861.
- ПКр — Памятники истории крестьян 14–19 вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева, Памятники русской истории, вып. 6, М., 1910.
- ПовЕфр — Повесть о Ефросинии Псковском (16 в.), Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелев-Безбородко, вып. 4, СПб, 1862.
- ПовРус — Русские повести 15–16 веков, М.—Л., 1958.
- ПослИГ — Послания Ивана Грозного, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, изд. АН СССР, М.—Л., 1951.
- Посошков — Сочинения Ивана Посошкова, изд. М. Погодин, М., 1842.

- ПскЛет — Псковские летописи (списки 15, 16 и 17 вв.), под ред. А. Н. Насонова, вып. 2, М., 1955.
- Пчела — Древняя русская пчела (14—15 вв.), Сборник ОРЯС, т. 54, СПб, 1883.
- РДС — Русская демократическая сатира 17 века, изд. В. П. Адрианова-Перетц, М.—Л., 1954.
- РЛА — Русско-ливонские акты (12—16 вв.), собр. К. Е. Напьерский, СПб, 1868.
- РусПов — Русская повесть 17 века, ГИХЛ, М., 1954.
- РусПр — Русская Правда по Новгородской кормчей 1282 г., Правда русская, под ред. Б. Д. Грекова, ч. I, М.—Л., 1940.
- РязК — Рязанская кормчая 1284 г., рукоп. ЛГПБ (F n II 1).
- СибЛет — Сибирские летописи (17—18 вв.), изд. Имп. Археографической комиссией, СПб, 1907.
- СинП — Синайский патерик, рукоп. ГИМ (Синод. 551), 12 в.
- СлиП — Слово святого Ипполита об антихристе (в славянском переводе по сп. 12 в.), изд. К. Невоструев, М., 1868.
- СлУш — Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4, М., 1935—1940.
- СокрПал — Сокращенная Палея русской редакции (16 в.), Чтения ОИДР, кн. 1, 1881.
- СочКурб — Сочинения князя Курбского, РИБ, т. 31, СПб, 1914.
- СпТяп — Список с статейного списка великого государя его царского величества посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова (1681 г.), Записки Одесск. общ. ист. и древн., т. 2, Одесса, 1850.
- Срезн — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3, СПб, 1893—1903.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, изд. АН СССР, т. 1—17, М.—Л., 1948—1965.
- СудФИ — Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г., М., 1900.
- СуздЛет — Суздальская летопись (по Лаврентьевскому сп. 1377 г.), ПСРЛ, т. 3, вып. 2, Л., 1927.
- Тредьяк — В. К. Тредиаковский, Избранные произведения, М.—Л., 1963.
- УстЛС — Устюжский летописный свод (16 в.), изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
- УчРат — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, М., 1647.
- ФинОтр — Финляндские отрывки древнего русского письма 11—15 вв. И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб, 1871.
- ФПрокоп — Феофан Прокопович, Сочинения. М.—Л., 1961.
- ХПав — Хождение апостола Павла по мукам (по сп. 15 в.), Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравов, т. 2, М., 1863.
- ХронАмарт — Книги временныя и образныя Георгия мниха (Хроника Георгия Амартала, списки 13—14 и 15 вв.), изд. В. М. Истрин, т. 1, Петроград, 1920.
- ЦарКн — Царственная книга, ПСРЛ, т. 13, вып. 2.
- ЧудНик — Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мир-Ликийского чудотворца (14 в.), Памятники ОЛДП, т. 72, СПб, 1888.
- ЧудПс — Чудовская псалтырь 11 в. (отрывок), изд. В. Погорелов, Памятники старославянского языка, т. 3, вып. 1, СПб, 1910.

## NOCH EINMAL ZU EINIGEN RUSSISCHEN PRONOMINALADVERBIEN LOKALER BEDEUTUNG

A. KONEWECKIJ

### *Zusammenfassung*

Der Beitrag stellt die Fortsetzung der Analyse der morphologischen und semantischen Entwicklung der Pronominaladverbien lokaler Bedeutung dar: der Adverbien auf *-де* und auf *-мо*.

Bei der Verallgemeinerung der Untersuchungen über die Pronominaladverbien lokaler Bedeutung kann man Schlußfolgerungen ziehen, daß die Entwicklung und das Werden des Systems dieser Adverbien von der Entwicklung des Systems der pronominalen Stämmen unmittelbar abhängig sind. Außerdem hat im Russischen krasse Gegenüberstellung der lokalen und der lativen Bedeutung eine große Rolle gespielt. Auf diese Weise werden im gegenwärtigen System der Pronominaladverbien mit lokalen Hauptbedeutungen die Adverbien auf *-де* (*зде, эдесь, еезде*), die die lokalen Bedeutungen beibehalten haben, den Adverbien auf *-да* (*куда, сюда, туда*) gegenübergestellt, die die lative Bedeutung beibehalten haben. Und nur das Fehlen bei den Adverbien auf *-де* Bildungen vom Pronomen *мѣ* ermöglichte das Adverb *там*, in die Gegenüberstellung mit der lativen Bedeutung einzudringen.

Das Adverb *всюду*, das in diese Gegenüberstellung nicht hineingegangen ist, hat die gleiche Bedeutung wie das Adverb *езде* beibehalten.

Alle übrigen zahlreichen adverbialen Bildungen von den pronominalen Stämmen sind als überflüssige verlorengegangen.